

**ФИЛОСОФИЯ ГЕРОИЗМА В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО О ВОЙНЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)**

О.А. Егорова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Егорова О.А., 2022

DOI: 10.46573/2409-1391-2022-1-15-21

***Аннотация.** В статье рассмотрены истоки философско-этической категории героического, а также соразмерности отражения философии героизма в песенной поэзии Владимира Высоцкого о войне и переводных аналогах некоторых произведений на английском языке. Результаты лексико-семантического и компаративного анализа ряда произведений поэта продемонстрировали, что в военной поэзии поэт активно использовал мотивы героической смерти, посмертной славы, а также всенародного единения ради защиты Отечества, при этом доминантными средствами образности для раскрытия философии героизма в данных произведениях стали авторские метафоры и повторы.*

***Ключевые слова:** героический подвиг, внутренняя свобода, метафора, мотив славы, средства образности, философия героизма, хронотоп.*

В сравнении с другими философскими концептами философия героизма примечательна тем, что привлекает внимание человечества с отдаленных времен и получает яркое воплощение в ряде произведений литературы и искусства. В ходе исторического развития философско-этическое понимание героического претерпевало разнообразные изменения, ставшие причиной появления различных его трактовок и художественной реализации в будущем. Репрезентируя содержательную эстетическую категорию со сложной структурой, категория героизма обладает не только эстетическим, но и глубоко нравственным смыслом, столь существенным для сферы искусства и потому неотделимым от устного поэтического творчества. Философия героизма многогранно проявляется и в песенном поэтическом творчестве В. Высоцкого, возложившего на себя тяжелую ношу – быть глашатаем нравственной сути современного поэту общества.

Для осмысления проблематики героического в поэзии В. Высоцкого попробуем исследовать исторические корни содержания данной философско-этической категории. Так, погружаясь в древние пласты героической поэзии германских народов, историк-медиевист и культуролог А.Я. Гуревич отмечает, что «героическую поэзию привлекали в истории не победы и триумфы, но неудачи, поражения, гибель исторических персонажей...» [3, с. 135]. Подчеркнем, что в эпоху формирования древнейшей героики германского эпоса архаическое сообщество отличалось суровой несвободой, поэтому авторитет и значимость отдельного индивида не представляли ценности в сравнении с судьбой рода. В ходе дальнейшего усовершенствования орудий труда и приручения домашних животных отдельный человек научился самостоятельно добывать средства к существованию и выживать. Как следствие, на смену родоплеменной организации общества пришли понятия семьи и собственности. В этот период и складывается классический героизм эпоса («век героев» у Дж. Вико и Г.В.Ф. Гегеля).

По мнению Г.В.Ф. Гегеля, героическая составляющая в эпоху Древней Греции детерминирована субстанциональной корреляцией личного и общественного, частного и целого. Ибо «цель их – правовая, необходимая и государственная, и они осуществляют эту цель как свое личное дело... И эти действия представляются еще как их особенная воля...» [2, с. 112]. В дальнейшем точки зрения А. Гуревича, как и дедуктивная концепция Гегеля, были подтверждены историческими фактами. В частности, изучая происхождение героического идеала, французский экономист и теоретик П. Лафарг отмечал, что «...самый факт владения собственностью заставлял предполагать, что владелец обладает доблестями героического идеала...» [7, с. 88]. В период раннего Средневековья с укреплением феодализма формируется понятие рыцарского благородства, или куртуазии, – термина, произошедшего от французского существительного court («двор»), с элементами героического в виде доблести, верности и милосердия. Позднее эпоха Возрождения закрепляет интеллектуальный труд в статусе героического подвига. В подтверждение отметим сочинение Джордано Бруно «О героическом энтузиазме» 1585 г., в котором воспевается идеал человека, руководимого помыслами об истине и справедливости, а также готовностью к подвигу во имя познания человеческих способностей. Отчасти осознание интеллектуального трудолюбия как героического поступка тождественно переосмыслению платоновского тезиса о герое. Платон в своем диалоге «Кратил» иронически и фантастически увязывает этимологию существительного «герой» с именем Эрота и греческим глаголом «говорить» [4]. Таким образом, данная этимология послужила средством определенной интерпретации понятия «герой»: посредник между богами и человечеством, т. е. совершенным и несовершенным бытием.

В дальнейшем на рубеже XX в. в противовес западной философской мысли, сфокусировавшей свое внимание на индивидуальном сознании и источниках активности в сфере духа, русская философия того времени интерпретировала проблему героического как срез взаимоотношений героя и простонародья. Российские философы настороженно относились к массовизации традиционного общества и неизбежной нравственной беспринципности в отношениях толпы и героя. Учитывая, что с середины XIX в. западная философия пропагандирует концепцию дегероизации современного социума и идеалом становятся не «идолы производства», но «идолы потребления», напрашивается вывод о том, что множественность направлений поиска героизма указывала на растущую размытость сущности этой категории.

Заметим, что современное российское общество, заимствуя элементы западного образа жизни, также претерпевает и свойственный западному сообществу кризис ценностей, когда идеал нравственного человека постепенно заменяется буржуазным фетишем материального преуспевания, подтверждая тем самым, что категория героизма теряет свою былую значимость. Ввиду этого появление ряда кандидатских диссертаций, в частности В. Туркиной и Г. Кривошековой в начале текущего столетия, послужило свидетельством того, что категория героического возрождается и обновляется. Согласно научной работе Г. Кривошековой, героизм символизирует раскрепощение внутренних творческих сил индивида в экстремальных условиях, тогда как герой детерминируется как «личность, реализующая себя в подвиге во имя общезначимой ценности. Только в подвиге возможно совпадение ... личного и общественного интересов, максимальное достижение личностью внутренней и внешней свободы...» [5, с. 45]. Учитывая ценностный релятивизм и общее кризисное состояние российского общества во второй половине XX в., далее рассмотрим, как подобные моменты философско-этической категории героического были отражены в

поэзии В. Высоцкого, творческая интуиция которого помогала ему и его читателям прозреть истину, не соответствующую официальным догматам.

В статье на основе лексико-семантического и компаративного анализа некоторых произведений, в частности 17 стихотворений В. Высоцкого о войне, была предпринята попытка изучить элементы внутренней художественной формы и поэтической образности для выделения доминантных мотивов раскрытия философии героизма, а также рассмотреть соразмерность отражения философии героизма в некоторых переводных коррелятах военных произведений великого поэта.

Заметим, что проблематика Великой Отечественной войны играет особую роль в поэзии В. Высоцкого, поскольку его детство выпало на годы Второй мировой войны и среди близких родственников поэта преобладали кадровые военные и фронтовики, что могло послужить дополнительным стимулом для обращения к военной тематике в последующем творчестве. Исходя из периодизации творчества В. Высоцкого, в которой А.В. Кулагин [6] детерминирует четыре ступени эволюции художественной концепции поэта, отметим, что с 1964 г. Высоцкий ощущает исчерпанность «блатной тематики» и переходит к следующему периоду, растянувшись до начала 1970-х гг. и названному А.В. Кулагиным протеистическим. В ходе данного временного промежутка молодой Высоцкий не только вступает в труппу театра на Таганке, чтобы успешно следовать брехтовской эстетике, но и создает множество поэтических ролевых образов, среди которых есть и фразы фронтовиков. Основным творческим кредо данного этапа становится соприкосновение с личностными переживаниями чужих судеб, искалеченных непредсказуемым военным опытом.

Военная реальность в осмыслении В. Высоцкого предстает в качестве специфически отмежеванного хронотопа, организованного вокруг героической ситуации, где действуют нестандартные правила активности. Причем для героики характерны экстремальные, несущие опасность условия. Поляризация художественного пространства в ходе героического выполнения боевого задания символично представлена в стихотворении 1965 г. Апелляция к категории героического проявляется с первых строк стиха [1, с. 97]:

*В плен – приказ – не сдаваться! Они не сдаются,
Хоть им никому не иметь орденов.*

В данных строках на первый план выдвигается исполнение приказа, тогда как со второй строки существительное «приказ» переосмысливается, подразумевая моральную установку «не сдаваться» как личное предначертание солдат самим себе. Дальнейшее развитие стиха наполнено и конкретными военными событиями, приведшими к смерти воинов, и абстрактными элементами, в частности появлением образа бога войны, который может забирать павших с собой. Заключительные строки стиха глубоко метафоричны: образы воронов над телами павших советских солдат заменяются белыми птицами, тогда как черные птицы преследуют колонну живых врагов. В данном произведении актуализируется как мотив смерти героев, столь значимый для философии героизма, так и мотив славы. Сообщество, репрезентируемое автором, продолжает свое существование, сохраняя память и славу как оценку заслуг павших героев. Таким образом, в данном раннем произведении проявились элементы классической разновидности героики. Отметим, что в ходе развития «протеистического» периода В. Высоцкий серьезно увлекается темой войны, создавая такие яркие произведения, как «Звезды», «Братские могилы», «Про Сережку Фомина», «Все ушли на фронт». В подтверждение обратимся к начальным строкам стихотворения «Звезды» 1964 г. [1, с. 133]:

*Мне этот бой не забыть ни о чем, –
Смертью пропитан воздух,
А с небосвода бесшумным дождем
Падали звезды.*

В данных строках автор фокусирует внимание читателя на значимости памяти о павших в военной схватке героях посредством словесной игры с метафорическим образом звезд, которые падают «бесшумным дождем». Теперь рассмотрим данные строки в переводной версии, сделанной Г. Токаревым, на одном из поэтических сайтов [11]:

*This bloody battle I got on the brain –
Death our names was calling...
And from the sky, like a soundless rain,
Stars kept on falling.*

В первой строке перевода, буквально означающей «эта кровавая битва пришла мне в голову», отсутствуют авторские отрицательные частицы «не» и «ни», способствующие усилению эмоционального накала повествования и актуализации мотива памяти в данном паттерне. Во второй строке переводной версии, дословно означающей «смерть наши имена звала», также частично изменена смысловая парадигма авторских коннотаций. Далее рассмотрим авторские строки заключительного столбца данного произведения [1, с. 133]:

*Я бы звезду эту сыну отдал,
Просто на память...
В небе висит, пропадает звезда –
Некуда падать.*

Представленные строки пропитаны скорбью о тех, чья жизнь была несправедливо прервана войной. Метафорический образ «пропадающей звезды» олицетворяет не только память и вакуум, возникший после потери реальных людей, но и их несбывшиеся мечты получить заслуженные звезды на погонах и порадовать заслугами близких. Обратимся к переводу данных строк Г. Токаревым [11]:

*I could have given this star to my boy –
Come, sonny, fetch it...
A star in the sky shines so timid and coy –
There's no one to catch it...*

В третьей строке данной версии, дословно переводимой «звезда на небе так робко и застенчиво светит», авторская метафора о «пропавшей» звезде была преобразована в детальное описание ее свечения. Значимая авторская итоговая метафора о звезде, которой «некуда падать», также заменена в переводе на сюжетный аналог о том, что ее некому поймать. При этом сюжетная линия перевода разворачивается преимущественно в прошедшем времени, тогда как у Владимира Высоцкого с первой строки ощущается корреляция прошлого с настоящим. Тем самым переводной аналог репрезентирует эмоционально нейтральное описание событий военного прошлого, что отличается от темпераментной героической мелодики авторского смыслового посыла.

С середины 1960-х гг. проблематика военной эпопеи становится приоритетной и постоянной в поэзии В. Высоцкого. Осмысляя войну как часть недавней истории, поэт акцентирует внимание на мотиве сопряжения отдельных героических судеб с фатумом всей страны. Именно в таком ракурсе развивается сюжетная линия стихотворения «Братские могилы» 1965 г., во втором столбце которого поэт подчеркивает: «Здесь нет ни одной персональной судьбы – Все судьбы в единую слиты». Далее обратимся к третьему столбцу данного произведения [1, с. 164]:

А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий Рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

В этих строках автор воскрешает в памяти живущих недавние символические образы военного безумия посредством многократного повтора причастия *«горящий»*. Повторы значимых слов стали характерной особенностью поэтического стиля В. Высоцкого. Далее рассмотрим данные строки в переводе Г. Токарева [10]:

I see in the flame, that forever is lit,
A village, burnt down to coals,
A tank that is flaming and there in it
I see burning soldiers' souls!

В переводе заметны смысловые метаморфозы, подразумевающие как отсутствие авторских повторов причастия *«горящий»*, так и подмену собственных исторических названий, в частности Смоленск и Рейхстаг, на корреляты с иным лексическим значением, что подтверждается завершающей строкой, переводимой дословно *«я вижу горящие солдатские души!»* [8]. При этом, несмотря на некоторые смысловые неточности, перевод звучит весьма благозвучно на английском языке. В данном произведении война косвенно представлена поэтом как пик всеобщего народного единения, и поклонение братским могилам отражает всеобщую скорбь, актуализирует мотив памяти как дани уважения героям, способным на самоотречение во имя родного Отечества.

В последующем творчестве, посвященном теме войны, поэт репрезентирует слияние героев со своими воинскими обязанностями, укрепление фронтовой дружбы, сближающей настолько, что смерть товарища осознается как собственная. Все это проявляется в стихотворении *«Он не вернулся из боя»* 1969 г. Случалось и так, что вести из мирской жизни, достигшие передовой, способны были расстроить солдат, находящихся вдали от дома, и мотивировать на неоправданный риск, что прослеживается в стихотворении *«Письмо перед боем»* 1967 г. о героизме солдата, преждевременно погибшего под Сурью. В песне *«Черные бушлаты»* 1972 г., посвященной десанту из Евпатории, персонаж в начальных строках испытывает сомнения относительно военной миссии, которую возлагают на местный десант, однако дальнейшие героические поступки подтверждают, что во имя всеобщей победы забываются личные невзгоды и ненависть. Обратимся к пятому столбцу произведения, подводящему итог произошедшим военным испытаниям [1, с. 108]:

За нашей спиной в шесть тридцать остались – я знаю, –
Не только паденья, закаты, но взлет и восход.
Два провода голых, зубами скрипя, зачищаю, –
Восхода не видел, но понял: вот-вот – и взойдет.

В данных строках авторское повторное упоминание существительного *«восход»* метафорически тождественно успеху военной операции. Вчитываясь в произведение, читатель осознает, что погибший герой безвозмездно завещает свой пропущенный восход остающимся в живых, тем самым превращая его в неоспоримую ценность. Далее сравним символически насыщенные строки с переводным аналогом Г. Токарева [9]:

It's now six-thirty! Between life and death we still hover,
We hope to rise from the failures that were base and vile!
My teeth, like a vice, hold two wires, unclean and uncovered –
I saw no sunrise but felt – it would rise in a while!

В третьей строке пятого столбца, дословно переводимой «зубы мои, как тиски, держат два провода, неочищенные и непокрытые» [8], мы замечаем замену авторского безличного предложения на удлинённые распространённые предложения со вставкой как подлежащего, так и второстепенных членов предложения. В частности, в третьей строке Г. Токарев использует сравнение «зубы мои, как тиски» [там же]. В целом в данном произведении выделяются мотив героического самоопределения, мотив памяти и единения с миссией победы в войне за Отечество. При этом подвиг интерпретируется автором как нечто очевидное и не подлежащее сомнению. В подвиге раскрывается нравственное величие героической личности, которая вызывает в последующих поколениях не только чувство сопереживания и сострадания герою (идентификацию), но и своеобразный катарсис, укрепляющий веру во внутренние резервы человека и упование на преобразование мира к лучшему.

Рассмотренные посредством лексико-семантического и компаративного анализа некоторые образцы военной поэзии В. Высоцкого позволяют сделать вывод о том, что проблематика войны, характеризующаяся экстремальностью внешних обстоятельств, побуждающих к раскрытию сути человека, нашла яркое отражение в его творчестве вследствие сопряженности и корреляции военных перипетий с основными постулатами философии героизма. При этом мотивы героической смерти, посмертной славы, а также всенародного единения ради защиты родного Отечества, раскрываемые в ряде (78 %) произведений о войне посредством преобладания таких средств образности, как авторские метафоры и повторы, стали доминантой для данного пласта творческого наследия великого поэта.

Библиографический список

1. Высоцкий В.С. Собрание сочинений: в 4 кн. М.: Надежда-1, 1997. Кн. 2. 623 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1929–1958. Т. 7: Философия права, 1934. 384 с.
3. Гуревич А.Я. О природе героического в поэзии германских народов // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 2. С. 133–148.
4. Гринцер Н.П. Структура и смысл диалога Платона «Кратил» // Знаки Балкан. 1994. Т. 1. С. 184–211.
5. Кривошекова Г.А. Герои и героизм в культурно-историческом бытии народов Европы и России: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Тюмень, 2003. 160 с.
6. Кулагин А.В. Поэзия Высоцкого: творческая эволюция. Коломна: КПИ, 1996. 124 с.
7. Лафарг П. Сочинения: в 3 т. М. – Л.: Госэиз, 1931. Т. 3. 468 с.
8. Электронный словарь «Мультитран». URL: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=DownloadFile> (дата обращения: 20.12.2021).
9. George Tokarev. The Black Jackets. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?545> (дата обращения: 21.11.2021).
10. George Tokarev. Brotherly Graves. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?564> (дата обращения: 23.11.2021).
11. George Tokarev. Stars. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?541> (дата обращения: 27.12.2021).

**THE PHILOSOPHY OF HEROISM IN THE SONG POETRY
OF VLADIMIR VYSOTSKY ABOUT WAR
(AS EXEMPLIFIED IN SOME ENGLISH TRANSLATIONS)**

О.А. Egorova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *This article is devoted to the consideration of the origins of the philosophical and ethical category of the heroic, as well as the heroism philosophy proportional reflection in the song poetry of Vladimir Vysotsky about the war and translated analogues of some works in English. The results of the lexical-semantic and comparative analysis of some poet's works have shown that in military poetry the poet actively used the motives of heroic death, posthumous glory, as well as the motive of national unity for the Fatherland defense, while the dominant means of imagery for revealing the heroism philosophy in these works were the author's metaphors and repetitions.*

Keywords: *chronotope, motive of glory, heroic deed, inner freedom, means of imagery, metaphor, philosophy of heroism.*

Об авторе:

ЕГОРОВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 1954-7772; e-mail: mipe456@hotmail.com

About the author:

EGOROVA Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of the Department of Second Languages, Tver State Technical University, Tver. SPIN-code: 1954-7772; e-mail: mipe456@hotmail.com

УДК 316.62

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА
РОССИЙСКИХ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
И СОЮЗОВ НАЧАЛА XX ВЕКА**

С.В. Лавриков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Лавриков С.В., 2022

DOI: 10.46573/2409-1391-2022-1-21-28

Аннотация. *В статье на основе опубликованных источников, фотодокументов, работ современных историков рассматриваются и анализируются основные виды политической символики российских правомонархических партий и союзов начала XX в. Отмечается ее роль в идеологической и пропагандистской деятельности черносотенцев, делается вывод об эффективном использовании ими потенциала политической символики как средства влияния на массы.*

Ключевые слова: *политическая символика, правомонархическое движение, правомонархическая идеология, вексиллология, фалеристика.*